

Светлана Алешина

Мечтать не вредно

Часть сборника
Мечтать не вредно (сборник)

Александра

Светлана Алешина
Мечтать не вредно

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Мечтать не вредно / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Александра)

«...эту идиллию и нарушил внезапный звонок в дверь. Сначала я, ей-богу, не заподозрила ничего дурного – это могли быть только Пенс или Лариков, поэтому дверь распахнула во всю ширь и замерла. Передо мной стоял совершенно неизвестный мне человек с недобрим взглядом узких маленьких глаз, и, судя по выражению его лица, эта встреча мне ничего хорошего не предвещала. Отвратительное у него было лицо, прямо скажем!...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Алешина

Мечтать не вредно

Глава 1

За окном моросил дождь. Но ничего с этим не поделаешь, и я заранее смирилась с осенью, умудряясь даже найти в ней своеобразную прелесть.

Например, листья, падающие с деревьев... Как в стихотворении Ружевича: «Молча люди идут по дороге в такой необычной тревоге – не наступить бы на листья...»

Вот в такой прелестный и печальный день началась эта история. Я сидела в офисе и раздумывала, не поставить ли мне чайник, или уж совсем не вылезать из-под пледа, в который я закуталась, пользуясь тем, что я совершенно одна и никто, судя по всему, тут уже не появится.

Настроение у меня было хорошее. Я ждала, когда за мной придет мой верный Пенс, и смотрела на капельки дождя, стекающие по стеклу.

– Сегодня ты вполне симпатичен, мир, – сказала я, все-таки решив отправиться за горячим чаем. – Пожалуй, я сегодня ощущаю даже радость бытия, как это ни странно.

По радио тихонечко наигрывала мелодия «Битлз», и хотя я никогда не была битломанкой, но сейчас эта песенка возвращала меня в тот далекий уже период, когда я была такая маленькая, такая открытая завтрашнему дню и такая глупенькая, в общем, когда я была подростком, а не умудренной опытом взрослой, как теперь!

Вот эту идиллию и нарушил внезапный звонок в дверь. Сначала я, ей-богу, не заподозрила ничего дурного – это могли быть только Пенс или Лариков, поэтому дверь распахнула во всю ширь и замерла.

Передо мной стоял совершенно неизвестный мне человек с недобрим взглядом узких маленьких глаз, и, судя по выражению его лица, эта встреча мне ничего хорошего не предвещала.

Отвратительное у него было лицо, прямо скажем! Квадратное-то ладно, к этому я уже привыкла – у нас куда взгляд ни кинь, непременно один такой квадрат на четыре нормальные физиономии увидишь. Но к этой «типичности» у него был еще совершенно омерзительный лоб, нависший над глазами. Этот лоб пересекал уродливый шрам, а довершала впечатление совсем уж некрасивая улыбка. То есть улыбкой я бы это называть не стала, скорее это было похоже на гримасу отвращения, а так как никто, кроме меня, перед ним не маячил, я без труда догадалась, что это отвращение вызвала исключительно моя особа.

В руках он комкал большущий платок в клетку и почему-то все время подмигивал. Нервный тик, наверное. Я сначала испытала острый приступ жалости к нему, но жалость уступила место осторожности, поскольку невесть чего можно ожидать от эдакого «мозгового инвалида» с внешностью записного маньяка!

– Что вам нужно? – поинтересовалась я, предусмотрительно отодвигаясь к стене и прикидывая в уме, как бы так ненавязчиво выпроводить его, а если он будет настаивать на продолжении знакомства, как мне спрятаться в комнате, попросив его дождаться Ларикова.

– Да вы не бойтесь, – пробормотал он, в очередной раз скривив свою физиономию и заговорщически подмигнув в сто какой-то там раз, от чего его рожа стала совсем зловещей. – Ничего я вам плохого не сделаю...

«Ваша кончина будет безболезненной, – мрачно подумалось мне. – Я постараюсь нанести удар быстро и незаметно для вас».

– Да я и не боюсь, – мужественно соврала я. – Только вам, наверное, нужен Андрей Петрович, а не я. Я только секретарь.

– Не-ет, – протянул он и захихикал, наставив мне в грудь свой указательный палец, как дуло пистолета. – Мне не нужен этот твой Лариков. Мне нужна ты...

Я хотела возразить ему, что он заблуждается, но не успела.

Он резко прижал дурацкий и вонючий платок к моему лицу, и я провалилась в небытие, даже не пикнув напоследок и уж тем более не оставив сообщения моему боссу, что меня, кажется, похитили!

* * *

Андрей Петрович Лариков вошел в собственную квартиру, днем совмещающую обязанности жилища с офисом сыскного агентства «ЛМ», и устало опустил в кресло. День сегодня выдался изматывающий, как никогда, и Андрей Петрович очень устал.

Компьютер привлек его внимание тихим и недовольным шипением, и Андрей Петрович чертыхнулся – Александра, уходя, даже не потрудилась выключить его. Впрочем, приемник тоже продолжал распевать как ни в чем не бывало, что окончательно Андрея Петровича разгневало.

– Ох уж эта мне девица, – проворчал он, выключая компьютер. – Свет оплачивать будет не она, поэтому, конечно, можно так вот халатно ко всему относиться!

Если бы Андрей Петрович не был таким раздраженным и уставшим, он отметил бы нетипичность ситуации – его помощница никогда не оставляла включенными ни компьютер, ни приемник. Возможно, он сразу бы заподозрил неладное.

Но, даже когда зазвонил телефон и он услышал обеспокоенный голос матери Александры:

– Андрюша? А Саша домой не собирается? – даже тогда Андрей Петрович ничего не заподозрил. Его разум оставался спокойным, и он произнес в трубку:

– Скорее всего они с Сережей куда-то поехали. Разве она вас не предупреждала?

– Нет, – растерянно пролепетала Галина Михайловна. – Она ничего не говорила...

Он уже хотел возмутиться поведением Александры – она не только расточительная, но и совершенно безответственная девица! Но, пожалев мать, проговорил:

– Вы, Галина Михайловна, не волнуйтесь. Думаю, она вот-вот появится.

– Хорошо, подожду еще, – с некоторым сомнением в голосе согласилась мать.

– Звоните, если что, – сказал Андрей Петрович и, положив трубку, безмятежно насвистывая, отправился варить себе кофе.

В это время в дверь позвонили, и он, проклиная того, кто решил его побеспокоить в минуты отдыха, открыл дверь.

На пороге стоял Пенс.

– Привет, где Сашка?

Вот тут Ларчика кольнуло нехорошее предчувствие.

– Не знаю, – честно признался он. – Кажется, она должна была быть с тобой?

– Я немного задержался, – беспокоился и Пенс. – Неужели она поехала домой одна?

Лариков нервно оглянулся на компьютер. На приемник. Потом вернулся растерянным взглядом к Пенсу.

– Послушай, только что звонила ее мать, – проговорил он. – Куда же могла направиться глубокой ночью эта безмозглая девчонка?

* * *

Не знаю, какая у вас бывает реакция, когда вы очухиваетесь в совершенно незнакомом месте, а у меня она была очень даже негативная.

Мало того, что у меня дико болела голова от этого ужасного хлороформа, я как-то сразу, без ложных иллюзий, поняла – меня похитили, и ничего хорошего от жизни ожидать в ближайшее время не могу.

Я осмотрелась. Рядом со мной не было ни души, только попугай в огромной клетке разглядывал меня крайне неодобрительно, хотя и с нескрываемым любопытством.

– Привет, – сказала я ему. Злости к птице у меня не было и в помине – я сама была, как он. На окнах – решетки, дверь...

Подойдя к двери и проверив ее, я убедилась, что проклятая дверь предусмотрительно закупорена.

Так что я, как и эта птица, обречена познать, что такое неволя.

Конечно же, я испугалась – не собираюсь я храбриться и врать, что я такая вот крутейшая девица, что ничего-то я не боялась и совершенно хладнокровно обдумывала свое положение.

Положение я обдумывала далеко не хладнокровно, а с дрожью в сердце.

Какому кретину пришло в голову меня похитить, я даже помыслить не могла. Прикинув в уме, что никто за меня много заплатит все равно не сможет, даже если Ларчик, мама и Пенс продадут все, что у них есть, включая квартиры, мотоциклы, я пришла к неутешительному выводу, что скорее всего я доживаю последние дни своей жизни. Что касается возможности того, что меня похитила мафия, дабы обменять на компрометирующие сведения, я это предположение тоже отменяю – у нас никаких порочащих мафию сведений не было. Чеченцы тоже вряд ли бы мной решили заняться, поскольку родное правительство мной и в лучшие дни не шибко интересовалось, а теперь уж я им и совсем стану не нужна. Так что смысла во мне чеченцам никакого не было. И я сидела и ломала голову, что же это за непонятные граждане попались на моем жизненном пути, о которых я не могу сказать ничего хорошего? Они ткнули мне в лицо вонючий платок, заперли в комнате с попугаем, поэтому я, наверное, тоже могу позволить себе нарушение этикета!

К тому же меня похитили совершенно невоспитанные люди, потому что преспокойненько где-то дрыхли, оставляя меня в полном неведении относительно их планов.

Попугай вдруг резко заорал, как сирена, ей-богу! Я подпрыгнула и уставилась на него в немом испуге.

– Наверное, это пираты, – подумала я вслух. – Потому что попугай явно Флинта. Все равно непонятно, какой им от меня прок, если я совсем не знаю, где лежат их «пиастры». Самой бы не мешало этими пиастрами разжиться...

Догадка, конечно, была глупой, но разве сам факт моего похищения можно было назвать умным?

– Каков, извините, запрос – таков ответ, – рассудила я и включила свет, заставив попугая радостно запрыгать по клетке с дикими криками: «Паша хороший».

Ага, хоть с попугаем разобрались. Попугая зовут Паша, и он вполне симпатичная личность, когда ему не приходится в голову поорать.

– Хороший Паша, – согласилась я, глядя его по клюву, который он подставил мне, стоило только ему увидеть, что я приблизилась к клетке. – Очень хороший Паша, вот только где твой хозяева, хотелось бы мне знать?

Попугай явно не хотел говорить со мной о хозяевах. Он был из породы натур самовлюбленных, поэтому повторил мне с маниакальным упорством еще несколько раз, что «Паша красивый и хороший».

«В отличие от твоих хозяев, – мрачно усмехнулась я. – Они уж наверняка некрасивые и нехорошие...»

Пнув ногой невинную дверь, впрочем, если разобраться, не такая уж она и невинная, поскольку в данный момент служила препятствием к моей свободе, я плюхнулась на огромную кровать, с удивлением обнаружив, что она очень даже ничего. Мягкая и удобная.

Это внушило мне «добрые надежды», что убивать меня пока не собираются. Если бы собирались, подложили бы тюфяк с гнилой соломой. Или вообще вынудили бы спать в темной каморке на голом дощатом полу. Еще бы мне на шею привязали цепь, чтобы я не убежала, и кормили бы помоями из миски, методично записывая мои мучения на видеокамеру, дабы отправить их Ларикову. Или моей бедной маменьке!

Впрочем, вполне вероятно, они просто хотят усыпить мою бдительность!

Как бы то ни было, я чувствовала себя безгранично уставшей и опустошенной, поэтому, бросив озлобленный взгляд в сторону двери и оконных решеток, я проворчала:

– Завтра посмотрим... Утро, раз уж оно мудренее вечера, может что-то прояснить. А сейчас, похоже, все мои стремления понять происходящее полностью бессмысленны.

Я лежала, разглядывая потолок и напряженно думая, что творится с моей бедной мамочкой и с Пенсом. Ларчик-то скорее всего просто рад, что от меня избавился.

Вполне вероятно, что именно он все и подстроил, прекрасно понимая, что нет у него другой возможности от меня избавиться.

Последняя мысль была сопровождена зевком, и я влезла под легкое и теплое одеяло, блаженно вытянувшись на мягкой кровати.

Ладно, решила я. Хоть попользуюсь напоследок «новорусскими» удобствами. И провалилась в сон.

* * *

В это время Пенс и Лариков сидели, смотря друг на друга. Оба они жутко волновались и не решались набрать номер Галины Михайловны, чтобы узнать, не явилась ли уже пропавшая Александра.

– Давай ты позвонишь, – предложил Ларчик, отводя глаза от Пенса.

– С какой радости? – спросил тот, нервно подергивая бровью. – Чтобы потом пришлось вызывать «Скорую», если Сашки еще нет дома? Она же как раз со мной должна быть. А тут звоню я и сообщаю, что ее со мной нет. Нет уж, не хочу я стать причиной чьего-то инфаркта!

– А может быть, она уже явилась, – с надеждой предположил Лариков. – В конце концов, не до утра же она...

Он не договорил, потому что в его душе сразу зашевелились всевозможные страхи и ужасы – работа в уголовке не оставляла ему иллюзорных представлений о состоянии тарасовских ночных улиц. То, что по ночам в Тарасове происходили убийства и изнасилования, секретом ни для кого не являлось. Единственное, на что Лариков в данном случае надеялся, так это на то, что маленькая фурия, если ее разъярить, сама обратит в бегство любого преступника.

Это было единственной надеждой на то, что его помощница явится на работу живой и невредимой. Лариков надеялся именно на ее дурной нрав.

Пенс, который ее идеализировал, не надеялся ни на что.

– А ты звонил в милицию? – сам страшась своего вопроса, спросил он.

– Нет, – тряхнул головой Лариков. – Рано. Сначала...

Набрав номер телефона Александры, он услышал долгие гудки, а потом голос Галины Михайловны произнес:

– Я слушаю.

– Здравствуйте, – пропищал Лариков так пронзительно, что Пенс вздрогнул и уставился на него с благоговейным ужасом. – А Саша дома?

– Сашки нет, – совершенно спокойно сообщила Галина Михайловна. – Она уехала на дачу к подруге.

Лариков почувствовал себя беспросветным идиотом, который к тому же лишился возможности уточнить подробности. Поэтому он не стал отвечать на вопрос, кто, собственно,

интересуется Сашей в три часа ночи, и повесил трубку. – Все в порядке, – сказал он. – Твоя драгоценная Александрина, оказывается, просто уехала к подруге на дачу. Правда, непонятно, к какой подруге и на какую дачу...

– Что? – подскочил Пенс. – Откуда ты все это взял?

– Мама сказала.

– Значит, ей кто-то позвонил. Возможно, сама Сашка, но все равно – с ней что-то случилось!

– С чего ты в этом так уверился? – поинтересовался Лариков, которому до безумия хотелось, чтобы с Сашкой все было в порядке и она действительно преспокойно торчала на даче у своей неведомой подруги. Конечно, он ей потом устроит варфоломеевскую ночь, но уж лучше так, чем представлять страшные подробности несчастной Сашкиной участи!

– У Сашки только одна настоящая подруга, – уверенно сказал Пенс. – Я ее очень хорошо знаю. И все дело в том, что Вероники сейчас в городе нет. Она в Питере. И второе – самое главное. Даже если предположить, что Веронике пришлось в голову срочно приехать сюда глубокой ночью, у Вероники никогда не было дачи!

– Может быть, дача общих друзей? – предположил все еще не теряющий надежды Ларчик.

– Понимаешь, в чем дело, – сказал Пенс, – если бы Вероника объявилась, ты бы об этом знал. Шума бы тут было на всю Вселенную. Но если хочешь, давай уточним, приехала ли она.

– В конце концов, она могла обзавестись еще какой-то подругой.

– Сашка? И сразу рванула к ней с ночевкой? На неведомую дачу? Нет, Андрей! Что-то тут не так. К тому же...

Он задумался.

– В это ты не веришь, – махнул он рукой.

– Во что? – поинтересовался Ларчик.

– В интуицию, – сказал мрачно Пенс, разглядывая деревья за окном с пристальным интересом художника-пейзажиста. – Я нутром чую, что с Сашкой что-то приключилось.

Глава 2

Я проснулась от сообщения, поступившего от моего сокамерника.

– Паш-ша хор-роший, – поведал он.

Я вскочила с кровати и осмотрела место своего заточения, уже освещенное лучами солнца.

– Паша красивый, – не унимался попугай, кося в мою сторону.

– Все правильно, – вздохнув, согласилась я. – Только вот в чем наша с тобой проблема...

Саша тоже хорошая, прямо как ты, а вот посадили нас, братишка, в клетки, и наплевать им, что мы с тобой такие «хор-рошие»...

Он с интересом меня выслушал и даже попытался сам высказаться так же сложно и философски, но получилось у него это совсем непонятно!

Я принялась оглядывать помещение на предмет лазейки.

Хотя, с другой стороны, сегодня, при дневном свете, страх приглушился, уступая место моему природному, совершенно необузданному любопытству.

Но я была вынуждена признать, что сейчас меня больше всего волновал один-единственный вопрос.

А именно: кто и зачем решил стибрить из ее офиса некую Данич Александру Сергеевну?

* * *

В это утро Пенс впервые понял, что это такое – ни с чем не сравнимое волнение за другого человека.

Всю ночь он расхаживал по офису, изрядно действуя на нервы Ларикову тем, что гремел своей любимой цепочкой с брелоком. Собственно, делал он это машинально – просто мотал ею на пальце по окружности, наблюдая траекторию ее движения. Ларчик же при каждом позвякивании вздрагивал и смотрел на Пенса с невысказанной, но горячей просьбой.

– Слушай, – не выдержал он наконец. – Не мог бы ты прекратить греметь цепями, как кентервильское привидение?

– Время уже восемь, – не обращая внимания на просьбу, нервно громыхнул в очередной раз цепью Пенс.

– И что теперь? В восемь звон цепей звучит почти так же отвратительно-устрашающе, как и в полночь, – осторожно заметил Лариков.

– При чем тут цепи? – уставился на него Пенс. – Я имел в виду, что уже можно позвонить и узнать о происшествиях.

Спорить с не спавшим всю ночь Пенсом было совершенно бесполезно – Лариков понял это по безумному взгляду обведенных темными кругами глаз.

Он вздохнул, в сто пятидесятый раз набрал номер и, выслушав ответ, устало положил трубку и сказал:

– О ней нет никаких сведений.

Пенс провел рукой по лбу и пробормотал:

– Ну куда она могла подеваться?

– Тебе же сказали, – голосом терпеливого психотерапевта начал Лариков. – Она на даче у подруги. Если сегодня она не явится на работу, тогда и посмотрим...

Пенсу в голосе Ларикова, наоборот, почудились зловещие ноты. Он возмущенно уставился на него и сказал:

– Тебе не стыдно? Девчонка неизвестно где, может быть, с ней что-то случилось, а у тебя все мысли о трудовой дисциплине!

Лариков хотел возразить, что это совсем не так, но в это время зазвонил телефон.

Руки их потянулись к трубке одновременно. Лариков поднял на Пенса глаза. Тот покорно отодвинулся, выжидательно и нетерпеливо смотря на Ларикова.

– Алло, – проговорил Лариков, удивленно отмечая, что у него такой хриплый голос, как будто он всю ночь пил пиво и курил плохие сигареты, а плюс к этому еще и предавался сомнительным развлечениям с дамами фривольного поведения.

– Добрый день, – проворковал нежный голосок. – Это Андрей Петрович?

– Да, – согласился Лариков.

– С вами говорит Лена, подруга Саши. Дело в том, что вчера мы уехали на дачу, а сегодня Сашенька заболела. Поэтому она не сможет некоторое время выходить на работу. Вы только не волнуйтесь, у нее обычная простуда... Думаю, через некоторое время вы ее увидите.

– А где ваша дача? – начал было Ларчик, но девица истошно завопила:

– Алле, алле. Вас не слышно! Не слышно вас!

И трубку повесили.

Ларчик задумчиво уставился на Пенса.

– Ну? – шепотом спросил Пенс.

– Ты прав, – сказал Лариков. – Теперь я и сам понял, с Сашкой что-то не так.

– Почему? – удивился Пенс. – Почему до тебя это дошло только сейчас?

– Я хорошо изучил Сашку за то время, которое мы с ней работаем, – пожал плечами Лариков. – У нее никогда не было подруги с именем Лена. Хотя, может быть, я и не прав. Ты когда-нибудь слышал о какой-нибудь Лене?

– Нет, – помотал Пенс головой. – Я бы уж наверняка знал. Все Сашкины подруги у меня перед носом постоянно крутятся. И Лены никакой нет.

* * *

За решеткой светило солнце, а я, как на картине Ярошенко, наблюдала из-за этой самой решетки, как по двору разгуливают жирные голуби.

– Вот ведь какая у них жизнь, Пашка, – поделилась я своими наблюдениями с попугаем. – И живут на свободе, и такие толстопузые... А мы с тобой сидим в неволе, и даже кормить нас никто явно не собирается.

Наверное, мои мысли подслушивались, поскольку в тот же самый момент дверь моего узилища открылась и в комнату вкатилась полновесная дамочка со столиком. На столике были расставлены сногшибательные яства, а сама дамочка при виде меня не выказала ровным счетом никаких эмоций.

– С добрым утречком, – проговорила она, оглядывая меня таким же бесстрастным взором, каким, наверное, взглянул на несчастную Марию Стюарт палач в день ее казни.

– Здрасьте, – сказала я. – Может быть, вы мне объясните...

Дама выставила вперед массивную грудь, отчего мне сразу вспомнился завет моей матери, что женщин с объемистой грудью следует опасаться, и фыркнула.

– Попугая сами покормите. Вон там его питание, – она кивнула на полку, где среди книг притаился «Трилл». – Я этого засранца боюсь, он в палец клюется...

– Подождите, – вскричала я, наблюдая, как «фрегат моей надежды» удаляется за дверь, не собираясь ничего мне объяснять. – Пожалуйста!

Мои слова потонули во мраке ее глобального равнодушия. Дама удалилась, не соизволив даже пожелать мне приятного аппетита.

Поворот ключа заставил меня вздрогнуть.

– Черт побери, – пробормотала я. – Если меня украли, правда, совершенно непонятно, зачем им это понадобилось, могли бы хоть объясниться...

Я подошла к клетке, насыпала бедолаге Пафнутию «Трилл» и задумчиво наблюдала, как он совершенно спокойно слез с перекладины, на которой до этого сидел, делая вид, что его философские размышления куда важнее моих земных забот.

– А может быть, меня просто с кем-то перепутали? – спросила я его. – Предположим, где-то разгуливала без охраны доченька важной особы, и она была похожа на меня. В какой-то момент мы нечаянно пересеклись, и нас перепутали! Да?

Паша оторвался от поглощения пищи и посмотрел на меня, как на полную идиотку.

– Все верно, ты прав, дружище, – согласилась я с его оценкой моих умственных способностей. – Во-первых, наверняка нужно быть совсем дегенератом, чтобы перепутать меня с богатой девицей. Так что уворовывали именно меня. И ни с кем меня не путали. Вот узнать бы еще, за каким чертом я им так понадобилась?

Можно было, конечно, истерически поколотить в дверь. Покричать, что я требую адвоката, или намекнуть им, что они нарушают мои права. Только по тишине за дверью легко было понять, что там никого нет, а если и есть, то на мои призывы к их совести они не откликнутся.

Надо было придумать кое-что поумнее, но как ты придумаешь, если тебе никто еще не объяснил собственных намерений? Для того чтобы бороться с врагом, его надо знать в лицо, а лицо свое мой враг еще не предъявил!

Пока я могла только подкрепить собственные силы, что и начала успешно делать. При чем, судя по подбору яств на изящном столике, я попала в плен к людоеду, который решил сначала меня как следует откормить.

– Вот ведь какой, – пожаловалась я Паше. – Мог бы украсть девицу потолще, не пришлось бы так тратиться на питание.

Паша как раз закончил свой завтрак и занялся утренним туалетом.

Поэтому на мои размышления вслух он отреагировал вяло, без должного интереса.

Да и что было от него ожидать? Он-то в отличие от меня знал, почему его держат в неволе...

* * *

– Подожди, надо подумать...

Лариков пытался успокоить Пенса, который явно был готов взорваться, хотя и сам был в состоянии близком к истерике.

– Во-первых, уйти отсюда она могла только в одном случае. Если ее кто-то выманил с помощью телефонного звонка. Вряд ли Сашка ушла бы, не выключив компьютер. Да и не дождавшись нас...

– Вот именно, – вскричал Пенс. – Значит, ее похитили! Ты это понимаешь? – Если бы ее похищали, она бы орала благим матом, – сказал Лариков. – Кто-то бы услышал. Знать бы, откуда ее похищали!

– Из квартиры, – хмуро сказал Пенс. – Сашка в любом случае дождалась бы кого-то из нас и только потом помчалась бы по вызову.

– А если ее попросили о помощи? Ладно, сейчас попробую опросить соседей.

Он встал. Пенс вызвался ему помочь.

– Нет уж, – критически осмотрев Пенса, буркнул Лариков. – Я сам. А ты жди возле телефона. Если ее похитили, должны выдвинуть требования... Стоп.

– Что?

Лариков остановился, мрачно глядя на телефон.

– Киднепперы так себя не ведут, – покачал он головой. – Вместо того, чтобы успокаивать нас, они бы уже давно сообщили, что намереваются отрезать Сашке ухо и прислать его нам...

– О, боже! – простонал Пенс. – Ты нарочно мне тут страсти рассказываешь?

– Наоборот, я тебя успокаиваю. Просто совсем непонятно, зачем киднепперам звонить мне, матери и сообщать, что Александра где-то на даче и слегка приболела? То есть по прошествии определенного времени ее скорее всего собираются вернуть.

– Без уха? – с ужасом спросил Пенс.

– Чего ты пристал к уху? – рассвирепел Ларчик. – Это я к примеру сказал про ухо. Просто так.

– Ничего себе «просто так»! – возмутился в свою очередь Пенс. – У меня и так по коже мурашки бегают!

Ларчик хотел возразить ему, что и он тоже не чужд подобных эмоций, но передумал. Махнув рукой, он вышел из квартиры, окрыленный слабенькой надеждой, что кто-то из соседей что-то слышал или еще лучше – видел, и, хотя крылышки этой самой надежды были совсем маленькие и недоразвитые, все-таки старался по мере сил верить в успех.

У Пенса надежд не было никаких. Он просто болтался по комнате, стискивая кулаки, и клял все на свете.

Поэтому, когда через некоторое время Ларчик вернулся и уселся на стуле, задумчиво разглядывая собственный ноготь, Пенс только посмотрел на него злым взглядом и пробормотал:

– Ну? Какие новости у гения сыска?

– А вот иронизировать не надо, – обиделся Лариков. – Потому что новости действительно есть, хотя и неутешительные.

– А я на утешительные и не рассчитывал, – горько вскричал Пенс.

– Сначала мне никто ничего сказать не мог, – начал Лариков, не отрывая взгляда от своего ногтя. – Все, как назло, спокойно дрыхли. Или смотрели телевизор. Только одна старая гримза, которой мы всю дорогу мешаем, как она утверждает, спокойно спать ночами, при виде меня разразилась гневной тирадой.

– Какой? – заинтересовался Пенс.

– Что мы за ночь три раза хлопали дверью с оглушительным звуком. Что первый раз хлопнули сразу после двенадцати ночи – она это заметила по часам. Потом так же оглушительно хлопнули в двенадцать ноль девять. Она выглянула в окно, чтобы выкрикнуть нам в спину всевозможные угрозы и проклятия, и увидела, как какой-то увалень с короткими ножками выносит из дома насмерть упившуюся Сашку. Он усадил нашу даму в машину, ни цвета, ни номера мегера не записала, поскольку в темноте не разглядела, что ее, кстати, ужасно разозлило, и они уехали.

– И все? – пробормотал Пенс.

– Согласись, это «и все» уже что-то. Значит, Сашку украли отсюда и чем-то опоили за пять минут. Вопрос, правда, у нас с тобой с повестки дня не снимается и звучит все так же, как и прежде...

Он задумался, спустя какое-то время поднял на Пенса глаза и спросил его, явно спутав с Дельфийским оракулом:

– Кому и зачем понадобилась наша Александрина?

* * *

Я развлекала себя тем, что изучила прилегающие к комнате туалет и ванную, обнаружив, что мой похититель живет вполне сносно, поскольку и то, и другое были выложены зеркальной плиткой и отличались невероятными удобствами.

Потом, убедившись, что до определенного времени придется находиться в уюте и комфорте, что меня немного успокоило, я обратилась от материальных ценностей к духовным и обнаружила на книжной полочке приемник, который тут же настроила на более-менее приличную станцию, и начала рассматривать корешки книг.

Увы, тут наши вкусы с моим похитителем резко расходились. Он был явно помешан на любовных романах. Ему надо было похитить мою маменьку, вот она бы ловила тут кайф, это точно! Правда, пришлось бы бедолаге раскошелиться еще и на телевизор, а потом...

Потом всю жизнь терпеть мою маму, поскольку она заточилась бы тут вполне добровольно.

Твердо решив, как только он соблаговолит появиться, предложить ему обмен или потребовать полное собрание сочинений Франсуа Вийона, я взяла с полки один из романов Джоанны Линдсей с судьбоносным названием «Женщина-воин» и, посозерцав немного красавца на обложке, признала, что он совершенно не в моем вкусе, хотя и смахивает чем-то на Пенса. Наверное, длинной гривой нерасчесанных волос!

Пенс напомнил мне о Ларикове. Я вспомнила, что в момент похищения не выключила компьютер и приемник, и меня обдало волной ледящего ужаса.

– Господи, что он со мной за это сделает, – прошептала я, – он ни за что меня не оставит в живых!

С ужасом оглядев комнату, я решила, что уж лучше я останусь на веки вечные в этих покоях, чем вернусь к Ларикову, который за мой проступок наверняка отрежет мне уши!

Потом я постаралась сосредоточиться на злоключениях женщины-воина, но мысль о невыключенных электроприборах и последующей за этим каре неотступно преследовала меня, мешая вникнуть в смысл и без того непонятных сексуальных хитросплетений.

Я откинула книжку и начала нервно разгуливать вокруг клетки с попугаем, передавая ему мое настроение.

Попугай занервничал и начал разгуливать по клетке, недовольно ворча, что «Паша хороший».

Наверное, мне тоже придется талдычить эту фразу Ларикову, когда я вернусь.

– Саша хорошая, Саша хорошая, не убивай Сашу! – бормотала я, передразнивая попугая и представляя на его месте Ларикова. – Не убивай хорошую Сашу!

– Помилуйте, – услышала я за своей спиной приятный мужской голос, – вас никто и не собирается убивать, Сашенька! Зря вы так подумали!

Глава 3

Та-а-ак...

Нас подслушивают, оказывается...

Медленно повернувшись, я с интересом посмотрела на того, кто, судя по всему, и являлся причиной грянувших на мою голову несчастий.

Он стоял, прислонившись к дверному косяку, скрестив на груди руки, и с насмешливой улыбкой наблюдал за мной.

– Надеюсь, вам хорошо спалось, Александрина? – спросил он, немного наклонив голову.

Надо сразу отметить, что он был красивым. Хотя, на мой вкус, черты его лица отличала некоторая грубость и упрямство. Но волнистые волосы, зачесанные назад, оттеняли весьма выгодно его высокий лоб, а глаза светились умом. Тем более странно, с чего умному человеку понадобилось меня похищать?

– Ага, – протянула я. – Если не считать того, что ночь я провела в размышлениях, где и почему я нахожусь. Может быть, вы все-таки поделитесь со мной своими планами на мой счет?

Он усмехнулся, отодвинулся от стены и мягко сказал:

– Я хотел бы ознакомить вас с моими планами немного позже. Когда вы успокоитесь и привыкнете ко мне.

– Денег у моих друзей и родственников все равно на выкуп не наберется, и не надейтесь.

Выпалив это, я села на кровать и теперь пыталась превратить его взглядом в горстку пепла.

– Думаю, у меня хватит денег на... ваш выкуп, – сказал он совершенно серьезно, рассматривая меня. – А вас надо выкупить?

– Как же? У вас надо выкупить, – сурово ответила я. – Если, конечно, вы не вампир и не людоед. Тогда уж точно – плохо мое дело!

– Сашенька, я же сказал вам, что убивать вас никто не собирается! Более того, если кто-то вздумает причинить вам вред, этот человек будет вынужден иметь дело со мной, а я думаю, никто на это не отважится!

Он так посмотрел почему-то на попугая, что у меня сердце сжалось от страха, и я поспешила заверить его, что уж попугай-то о вреде моей персоне думает меньше всего.

Хорошая птичка, к тому же умненькая, и с ним мне даже не скучно!

Он рассмеялся и сказал:

– Я рад за него. Ему впервые нравится человек, оказавшийся с ним в одной комнате. Меня он почему-то недолюбливает, равно как и Алису Давыдовну.

– А это у нас кто? – поинтересовалась я.

– Моя экономка. Она принесла вам завтрак...

– Она не представилась, впрочем... Как и вы.

– Ах, простите, Александрина! Меня зовут...

Он задумался. Нет чтобы честно сказать, как его зовут!

– Меня зовут Филиппом, – поведал он наконец.

– Вам не подходит, – усмехнулась я. – Придумайте лучше что-нибудь другое.

– А если меня и правда так зовут? – наклонил он голову.

– А меня тогда зовут Виолетта, – хмыкнула я. – Или Брунгильда... Впрочем, мне наплевать, как вас зовут. Меня куда больше интересует, когда вы сообразовите мне объяснить некоторые странности вашего поведения и отпустите меня домой.

– Я мог бы на вас обидеться, – нахмурился он. – Если бы вы не были такой прелестной. Я не могу на вас сердиться, особенно когда вижу ваши очаровательные глаза. Такие дерзкие и невинные одновременно...

Он подошел ко мне и приподнял меня за подбородок, взирая на мое лицо с томным удовлетворением.

Я дернула головой, вырываясь.

– Кажется, вы начитались любовных романов, – проворчала я. – Во всяком случае, выражаетесь вы слегка витиевато! Мне с моей неромантической натурой понять вас сложно. Поэтому все-таки я жду ответа на мой вопрос – по какой причине я оказалась в вашем «родовом замке»?

Он улыбнулся и проговорил:

– Ну, так вам придется подождать немного. Пока вы еще не готовы услышать ответ.

С этими словами он снова оставил меня в обществе попугая, который нервно носился по клетке, выкрикивая немного надоевшую фразу: «Паша хороший!»

* * *

– Кретинизм! – поставила я, на мой взгляд, безошибочный диагноз данной ситуации и швырнула в захлопнувшуюся дверь подушкой.

Паша восторженно уставился на меня преданными глазами.

– Ну, и что мне делать? – спросила я своего единственного друга.

Если он это и знал, то сказать не мог. Он взлетел на качели и раскачивался там в ожидании ответного восхищения, какое выразил он на мое швыряние подушкой.

– Мило, – устало согласилась я, плюхаясь в кресло и доставая сигареты. Слава богу, в пачке еще было две штуки. Ту дорожную гадость, которую любезно оставил на полочке мой тюремщик, я терпеть не могла, поскольку, на мой взгляд, эти «бледные спирохеты» можно было курить только в гробу, когда уже абсолютно все равно, что курить.

– Вот кончитесь вы у меня, – печально сказала я своим милым «монтекарловкам», – и начну я медленно угасать от недостатка никотина в организме... Может быть, этот красивый гад именно этого от меня и добивается. Может быть, он каким-то образом проведал о том, что моя румынская тетушка оставила мне наследство наконец-то, и теперь чаёт моей безвременной кончины, чтобы несправедливо разжиться богатствами, принадлежащими моему скромному семейству?

Никаких иных причин его загадочных происков на мой счет я пока не находила.

– И ведь самое в этой истории гадкое, – поделилась я своей тоской с попугаем, – то, что этот глупый Лариков нипочем не догадается, что меня просто-напросто стырили, а ругается сейчас, что я не выключила его идиотский комп! Даже и не подумает, что я нахожусь в опасности и, возможно, скоро меня совсем не станет...

Я тяжело вздохнула, посмотрев на запертую дверь.

– Ничего, еще посмотрим, кто кого тут уморит, – мрачно пообещала я ей и всем, кто скрывался за нею от моего разгневанного взора. – Сами не подозреваете, с кем связываетесь!

* * *

Когда Пенс подошел к Сашкиной двери, на какой-то миг ему показалось, что Сашка вернулась.

Из-за двери доносились плач и крики.

«Наверное, Галина Михайловна в данный момент занята ее воспитанием», – подумал Пенс, нажимая на кнопку звонка.

Дверь открылась, стоны и плач стали громче, а на пороге как ни в чем не бывало возникла Галина Михайловна с обычной приветливой улыбкой.

– Сережа! – обрадовалась она. – А Сашки еще нет. Звонила какая-то Лена, никак не разберусь с Сашкиными подругами, и сказала, что моя дуреха умудрилась там простыть. Но ничего страшного. Скоро обещала приехать.

Похоже, она была спокойна. Пенс посмотрел в ту сторону, откуда доносились душераздирающие вопли, и встретился взглядом с красоткой, пытающейся с экрана телевизора внушить всем жалость к своей персоне.

«Да уж, – вздохнул он про себя, – похоже, Сашкина мать только обрадовалась возможности беспрепятственно насладиться своими сериалами без Сашкиных язвительных реплик!»

– А эта Лена адрес не оставила? – без всякой надежды спросил Пенс.

– Как это не оставила? – удивилась Галина Михайловна. – Дача у Лены в Заманчивом. Знаешь, где это?

Заманчивое Пенс прекрасно знал.

Лучший дачный поселок на Волге.

– И как ее там найти? – спросил он, уже куда более оптимистично взирая на жизнь.

– Знаешь, Сереженька, я не помню... Она объясняла, но ведь, сам понимаешь, я вряд ли за ней поеду. А у тебя срочное дело?

– Да, – кивнул Пенс. – Очень срочное.

– Давай я попробую ее обо всем расспросить, если она позвонит, и тогда я тебе скажу. Ее сосед, у которого телефон, появится завтра, и тогда, вполне вероятно, позвонит сама Александра. Если, конечно, температура спадет. Я тебе тогда обязательно перезвоню.

– Или Андрею, – кивнул обрадованный Пенс.

– Хорошо, хорошо...

Пенс вышел на улицу и отправился к Ларикову.

Теперь у него появилась надежда, что Сашка действительно просто-напросто смоталась к неведомой подружке. Нечего психовать. Скоро объявится как ни в чем не бывало.

И все-таки, успокаивая себя таким образом, Пенс никак не мог отделаться от тревоги за свою бесшабашную подружку.

– Пока Сашка не объявится, я не успокоюсь до конца, – пробормотал он. – Все-таки придется мне прочесать это Заманчивое вдоль и поперек, пока я сам не буду уверен, что с Александрой все в порядке!

* * *

Эти книги были не для меня. Так как я никак не могла представить себе мужчину, упивающегося романами Макнот или Линдсей, я смело предположила два варианта. Или собирались украсть мою маму, но в последний момент, когда уже все было подготовлено, остановились все-таки на моей кандидатуре. Или мой похититель Филипп, к моему ужасу, сексуальный маньяк.

Ничего другого в мою голову не приходило. Ну, сами посудите, кому еще могут понравиться эти ужасающе длинные эротико-порнографические описания мужских и женских частей тела, которые мы стыдливо называем «интимными»?

Так как моя мама все-таки не очень интересуется такими романами, предпочитая им аргентинские сериалы, и уж куда с большим интересом читает детективы, которых тут, как назло, не было, я решила, что второй вариант более вероятен. И вел он себя, как я заметила, немного загадочно.

Что-то должно было произойти, после чего мне будет дозволено сообщить своей матери, что я жива и относительно здорова.

Относительно, потому что я, честно говоря, сомневаюсь, что все эти события, равно как и мое заточение, не повлияют пагубным образом на состояние моей психики.

– Ну, и как ты думаешь, кто этот Филипп на самом деле? – спросила я попугая.

Тот не замедлил с ответом, в сто пятый раз доверительно прошептал, что «Паша хороший», и я вздохнула.

– Нет, дорогуша, придется заняться твоим лексиконом, а то общение с тобой иногда становится скучным, – сказала я ему.

В это время дверь опять распахнулась и в комнату два крепыша втащили, отдуваясь и сопя, огромный телевизор.

Вслед за ними вплыла Алиса Давыдовна собственной персоной и, оглядев меня высокомерным и почему-то озлобленным взором, проворчала:

– Все пляшу, пляшу вокруг нее! А она нос воротит!

Тяжко вздохнув, она исчезла быстрее, чем я успела робко поинтересоваться, кто, собственно, вокруг кого пляшет и почему она ко мне так плохо относится?

Телевизор включили и, не успела я даже глазом моргнуть, юркнули в дверь, которая с оглушительным треском захлопнулась прямо перед моим носом.

– Придурки вы все, – сообщила я, стукнув по многострадальной двери кулаком. – И телевизор ваш дурацкий.

Теперь я могла чувствовать себя по всеобщим меркам бесконечно счастливой: у меня было все «необходимое», за исключением разве что компьютера. Но, так как компьютер в моем воображении был крепко-накрепко связан с работой, а это было единственным, по чему я совершенно не скучала, я и не расстраивалась.

В конце концов, как поется в попсовой песенке, «жить нужно в кайф», особенно когда на тебя нацелился сексуальный маньяк.

Воспоминание о нем несколько омрачило мое чело, но в целом я почему-то уже почти совсем не боялась.

Наоборот.

Мне было ужасно интересно, где я и кто такие эти люди вокруг меня.

А то, что я смогу отсюда вырваться, в этом я не сомневалась. Сами выпустят, когда я их достану своей простотой!

* * *

– Ты в своем уме?!

Лариков вытаращился на Пенса в нескрываемом удивлении. Пенс устало опустил на стул. Возражать и доказывать свою правоту ему не хотелось.

– Как ты все это видишь? Мы разгуливаем по этому чертову Заманчивому и...

– Разъезжаем, – поправил его Пенс.

– Ну, это еще хлеще! Этакая парочка «голубых» байкеров! Или мне тоже прикажешь разжиться своей «Якудзой»?

– «Судзуки», – терпеливо поправил Пенс. – Но если сможешь, разживись «харликом».

– Все равно, мы разъезжаем туда-сюда, сами не знаем куда, и пытаемся выяснить, где живет эта паршивка Лена! Во-первых, взгляни за окно, октябрь уже кончается! Там и нет, наверное, почти никого!

– Тем лучше, – меланхолично заметил Пенс.

– Чем? Тем, что и спросить не у кого будет?

– Да нет, просто не так уж много в это время года обитаемых дач. Значит, есть вероятность обнаружить ту, на которой есть движение.

Ларчик хотел возразить, но прикусил язык и задумался.

А ведь в речах этого отрока присутствует здравый смысл, ей-богу!

Правда, в отличие от него, Лариков был почти на девяносто процентов уверен, что Александра сама куда-то сбежала, не выдержав его зверств с постоянным отказом в выходных днях. Но в то же время он знал, что вряд ли...

Ах, вот в чем дело! Все-таки Ларикову было непонятно, как это всегда такая аккуратная Сашенька не выключила компьютер? Или Лена ее уволокла силой?

И опять же, куда деться от показаний старой перечницы Лионкиной, которая с плохо скрываемым злорадством расписывала, как вусмерть пьяную Сашеньку волокли в машину, по форме напоминающую гроб на колесах?

А на гроб похожа только одна машина.

Лимузин.

– А ведь ты прав, – задумчиво согласился Лариков. – Найти их, конечно, будет не самым простым дельцем, но...

Он посмотрел на Пенса, который поднял на него глаза, полные надежды, и закончил свою мысль:

– Но в принципе можно постараться! Лимузины-то не на каждом шагу встречаются... Вот сначала мы это и выясним. У кого в нашем славном городке Тарасове наличествуют эти дорогие машинки...

Он набрал номер своего знакомого из ГИБДД.

Если все получится так, как он планирует, они довольно быстро найдут свою заблудшую овечку Александрину.

Хотя...

Лариков посмотрел за окно. Золотые листья, тихо шурша, обреченно падали на землю, навевая на него грустное настроение.

Почему он так уверен в успехе почти безнадежного предприятия?

Ах, если бы сама Александра бросилась на свои собственные поиски, она бы вряд ли унывала!

Лариков вздохнул. Знала бы эта рыжая, неукротимая и взбалмошная девица, как ее не хватает!

Глава 4

Весь день я ничего не делала и начала понимать, что нет на свете занятия, более всего способствующего депрессии, чем безделье.

Я посмотрела какую-то серию о Нэше Бриджесе, потом почитала книжицу про страстную любовь, а день тем не менее не собирался кончаться!

Попугай мирно дрых, а за окном поднялся ветер, принеся с собой непогоду и холод.

Поэтому, когда дверь в очередной раз открылась, я обрадовалась даже рослому амбалу, занявшему своей фигурой весь дверной проем.

Наконец-то моя участь прояснится, подумала я, рассматривая его мощный торс. Не знаю, можно ли было доверять Филиппу, но хотелось по-детски верить, что вреда мне тут никто причинять не собирается.

– Он ждет, – поведал мне амбал, не переставая двигать ритмично челюстями.

– И что теперь? – невозмутимо поинтересовалась я. – Во-первых, чего он ждет? Во-вторых, кто этот самый «он»? И в-третьих, вы знаете, что уголовным правом киднеппинг ни в коей мере не поощряется?

Амбал на мои цветистые речи не обратил никакого внимания и повторил точно с такой же интонацией, как и прежде:

– Он ждет.

О, боже!

Мне не хватало Паши с его постоянными заверениями в том, что он хороший, так мне послали еще и этого типа, который и вовсе непонятно выражается!

– Я вас расслышала, – кивнула я. – Но, прежде чем я двинусь с места, дабы выполнить ваше бесподобное по осмысленности приказание, я все-таки хотела бы узнать, кто меня ждет и где.

Амбал выпятился на меня, и я была готова поклясться, что он пытается подумать! Во всяком случае, он нахмурил свой лоб и зашевелил губами, как будто пытался первый раз в жизни произнести слово «мама».

Конечно, слово это чрезвычайно сложное, и сразу у него ничего не получилось.

Он беспомощно оглянулся и гаркнул во всю мощь своих здоровых легких:

– Лена!!!

Я вздрогнула от его выкрика и подумала, что даже если упомянутая Лена в данный момент мирно почивает на самом отдаленном облаке, она уже наверняка должна примчаться.

Я продолжала стоять, скрестив руки на груди. Лена довольно долго не являлась.

Амбал совсем, похоже, растерялся и теперь озирался вокруг, переводя взгляд с меня на проснувшегося попугая, который не замедлил изречь, что он самый красивый, и тут же снова заснул.

– Неужели вам так трудно сказать, кто меня ждет? – тихо спросила я, окончательно решив добить несчастного своей безупречной интеллигентностью.

– Что ты кричишь? – вдруг услышала я женский голос. Неужели мой тихий вопрос был расценен, как крик?

Но слова были адресованы амбалу, а прямо на меня смотрела весьма неординарная особа.

– Она не хочет идти к нему, – мрачно пожаловался амбал.

Девушка оглядела меня с ног до головы взглядом таким же ледяным, как вода у нас в душе летом, и фыркнула.

– Ну, так отнеси...

С этими презрительными словами она повернулась ко мне спиной, давая понять, что все бесценные указания она уже дала, а следовательно, разговор окончен.

Я ошалело смотрела на ее спину.

Ну и контингент в этом отеле, не приведи господи!

Заметив, что покорный воле этой красивой фурии амбал намеревается взять меня на руки, я стукнула его по рукам и сообщила, что так уж и быть, дойду сама.

Пока они сыграли один-ноль в свою пользу. Но только пока... Я двигалась по коридору, освещенному лампами дневного света, и твердо знала, что живой я им не дамся!

* * *

Лариков в очередной раз попробовал постучать в воротца небольшой дачки и развел руками.

– Похоже, дачный сезон закончился, – сказал он, пытаясь скрыть собственное отчаяние. – Никого. Пенс прислонился к «Судзуки» и курил.

– Ну здесь и эклектика, – заметил он, оглядывая окрестности Заманчивого.

Среди старых, типовых коттеджей возвышались замки, как бы подчеркивая свои персональные права на роскошь.

– Да уж, рядом с маленькими домишками эти красавчики выглядят весьма нагло и непристойно, – согласился Ларчик.

– Да мы бы тоже такие построили, – услышали они женский голос за спиной, – да вот проблема, когда мы тут застраивались, нам нельзя было строить так, как хочется. Не дай бог из общего ландшафта вылезешь...

Обернувшись, Лариков увидел симпатичную женщину с ведром, наполненным тем жизненно необходимым веществом, которое именуется «гумусом».

– Ищите кого-то? – поинтересовалась местная леди, перекидывая привычную тяжесть в другую руку.

– Давайте я вам помогу, – Пенс, не дожидаясь разрешения, отнял у женщины ведро.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– Мы действительно пытаемся найти дачу одной особы, – сказал Лариков. – Только фамилию не знаем... Понимаете, наша знакомая уехала к этой особе на дачу, и известно только, что ее зовут Лена.

– Лена? – женщина нахмурилась, пытаясь припомнить хоть одну Лену. – Лена, Лена... Тут есть две Лены, но их сейчас нет. Одной пятьдесят лет, другой – девять. Ваша знакомая какого возраста?

Конечно, Сашка могла подружиться с кем угодно. Хоть с девочкой девяти лет, хоть с дамочкой. Характер у Сашки подразумевает подруг любого возраста. Но с одним условием. Если эту особу не зовут Леной. У Сашки аллергия на это имя...

– А вы не видели тут, случайно, такую рыжеволосую девушку, стройненькую, невысокого росточка? – спросил Ларчик, так как ни пятидесятилетняя, ни девятилетняя Лены его не устроили.

– Я ж только на один день приезжаю, – развела руками дама. – Может, она и встречалась, только все бегом, ни на кого внимания толком не обратишь... Розы, вот, укрою от мороза – и быстрее домой, в Тарасов, там дел тоже невпроворот!

– На нее бы вы обратили внимание, – нежно сказал Пенс. – Она яркая и живая. Как солнышко...

– Знаете, вы спросите у Антона Ивановича, – вспомнила женщина. – Он вон там живет, на даче художников. Вот Антон Иванович тут до белых мух торчит, и плюс он все время гуляет по окрестностям. Виды для пейзажей подбирает. Может, он и девочку вашу видел, и про Лену эту что-нибудь знает. Конечно, слабая надежда, но попытаться можно.

– Спасибо, – в один голос поблагодарили женщину Лариков и Пенс и отправились к полуразвалившемуся особняку, прекрасно видному со всех сторон, так как находился он на склоне горы.

* * *

Массивная дверь открылась, впуская меня в залу. Не буду ее описывать, поскольку сделано там все было роскошно, богато и малость безвкусно.

Ну там и компания собралась! Мне как-то сразу вспомнился фильм «В джазе только девушки», и я, как всегда, не сдержавшись, пропела:

– Он был хорошим парнем...

Мой сопровождающий шутку не оценил, злобно и озабоченно скосив на меня свой глаз.

Публика, представшая моим очам, была в черных костюмах, в носках ослепительно белого цвета, в таких же рубашках... Сопровождали представителей нашей новой «элиты» дамочки разного телосложения – от очень полных до стройных. Все они разом повернулись ко мне, застыв на месте.

Филипп, резко обернувшийся на скрип двери, увидев меня, почему-то просиял, как от невиданного счастья, обрушившегося ему на голову неожиданно-негаданно, и, оставив своего собеседника, в котором я узнала Лицо, Приближенное к Губернатору, быстро направился ко мне.

– Сашенька, как я рад вас видеть. Не бойтесь этих людей – я не дам вас в обиду...

Он наклонился и поцеловал мне руку, после чего, придерживая меня под локоть, подвел к столу, под обстрелом удивленных и возмущенных глаз.

Конечно, я выглядела несколько скромнее присутствующих тут дам, поскольку на мне были все те же насмерть изношенные джинсы и мой любимый свитер, сто лет назад вышедший из моды. Дамы же сверкали бриллиантами и рубинами, а одеты они были в стиле двадцатых годов. То бишь в маленькие платица, которые на некоторых грозили треснуть по швам, или в блестящие декольтированные балахоны.

Я, конечно, среди них выделялась.

Впрочем, если я сначала и ступсевалась, то под воздействием моего спутника быстро успокоилась.

Он бережно усадил меня в кресло и, немного склонив голову, поинтересовался, позволю ли я ему налить мне шампанское.

Кивком головы я ему милостиво это позволила. Шампанское тут подавали в высоченных бокалах.

Кроме этого, играла тихая музыка.

«Похоже, Александра, мы с тобой попали на тусовку вампиров», – подумала я, оглядывая изысканное общество. Причем самое странное, что главный Вампир, который, словно орел, кружил надо мной, как ни странно, не был так уж мне неприятен!

– За нашего Филиппа! – провозгласило тост Лицо, Приближенное к Губернатору. Я с любопытством посмотрела в его сторону. Обычно я видела его по телеку таким высокомерным, но теперь он лучился подобострастием, и, как мне показалось, стоило Филиппу шевельнуть пальчиком, как Лицо распласталось бы на полу и ожидало бы его дальнейших распоряжений, как верный пес.

«Интересно, – подумала я, украдкой рассматривая Филиппа. – Кто же он у нас такой? Неужто и правда – новоиспеченный граф Дракула? И зачем ему понадобилась маленькая, скромная Сашечка? Денег у него, похоже, и без моего выкупа полно – обойдется как-нибудь. Да и куда выгоднее украсть вот это самое Лицо, толку выйдет больше. И напрягаться не надо – просто напоить его и запереть с попугаем вместо меня!»

Впрочем, взглянув на лысого и краснолицего Приближенного, я содрогнулась от сознания того, какую печальную участь я уготовляю несчастному Паше! Вряд ли эта рожа оценит словарный запас гениального попугая!

Меня, конечно, сверлили взглядами со всех сторон, особенно старались женщины. Но я держалась.

Мне было даже любопытно. Не каждый день тебе улыбается такая удача – понаблюдать за вампирами в домашней обстановке!

* * *

Подойдя к даче, Лариков осмотрелся. Пенс подрулил сзади тихо и, остановив байк, спросил:

– Ну? Здесь тоже облом?

Лариков пожал плечами и подергал покосившуюся калитку, которая тут же поддалась его уговорам и открылась.

Ступив в сад, Ларчик присвистнул.

– Похоже на последний оплот аристократии... Сейчас из этого полуразвалившегося особняка выйдет Раневская...

– В этом доме, милостивый государь, – передразнил его Пенс, – скорее всего располагались конюшни означенной дамы. Наша аристократия в таких домишках не жила.

Они прошли в глубь сада молча, пытаясь уловить хоть какое-то движение внутри дома.

– А вот и нет тут никого, – разочарованно протянул Лариков, в сердцах пнув запертую дверь. – Не везет нам с тобой, Сереженька!

Они обошли дом в надежде обнаружить следы пребывания здесь человека, но дом отвечал им полной тишиной.

– Ладно, – махнул рукой Пенс, доставая сигарету. – Придется нам еще долго шарить в окрестностях.

В это время в доме зазвонил телефон.

– Слышишь, – шепотом спросил Лариков. – Те-ле-фон...

– И что? – непонимающе вытаращился на него Пенс. – Это может быть сотовый.

– Все равно. Значит, тут кто-то есть, и еще... Помнишь, Галине Михайловне эта Лена звонила из Заманчивого?

– Ну?

– От соседей.

– И что дальше-то? – все еще недоумевал Пенс. – При чем тут Сашка? Или ты думаешь, что она не выбралась бы из этой развалины?

– Ничего я не думаю, – сказал Лариков. – Я думаю только о том, что нам надо обязательно отыскать хозяина этой храмини. Плюс ко всему, если у него там надрывается телефон, значит, он находится где-то неподалеку...

* * *

Мое присутствие на этой вечеринке грозило обернуться массой лишних килограммов.

Уж что-что, а поесть они тут были горазды!

Самое большое впечатление на меня произвела дама с большим, почти неприкрытым бюстом, томно пожирающая оливки. Ее губы были ярко накрашены, а зубы, как один, восхищали вставной белизной. Правда, когда она открывала рот, мне становилось страшно, поскольку ее рот был размером с мою голову, а взглядами она меня периодически одаривала, прямо скажем, недобрыми.

Впрочем, на меня тут все смотрели неодобрительно. Не пришлось я к местному двору, что и говорить! Впрочем, если разобраться, я ведь и не напрашивалась особенно.

Кто-то произносил тосты, скучные до омерзения, и все они прославляли Филиппа.

Он пользовался бешеной популярностью среди женской половины. Не было ни одной вампирши, не посмотревшей на него сладострастным взглядом.

Но особенно старалась высокая девица, с красивым и злым лицом. Она была явно взбешена, что было заметно по тем остервенелым взглядам, которые она бесстрашно пуляла в Филиппа.

А он смотрел только на меня, как будто я была королевой Великобритании, и я начала чувствовать себя очень неуютно.

Поскольку в моей голове сложился уже образ страстно влюбленного вампира, и я, представьте, совершенно не знала, что надо делать с этой породой?!

* * *

Он появился возле калитки в тот момент, когда у Ларикова и Пенса почти истощился запас надежд.

Лысый старикан с чуть оттопыренной нижней губой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.